

МАРИТ БЪЕРКЕНГ (Альта)

Груммант-медведь. Тексты Бориса В. Шергина о жизни поморов-промышленников на Свальбарде.

Свальбард, или Шпицберген, как по традиции называют русские этот северный архипелаг, — край, где жили рядом наши предки, где живут и сегодня — и норвежцы и русские.

Издавна ведется спор о том, кто же появился здесь первым.

Все норвежские источники придерживаются мнения, что русские стали промышленлять на Свальбарде только в 18 веке. Фритъоф Нансен даже пишет, что русское слово *морж* и финское *mursu* происходят от старо-норвежского слова *rosmer* и что это значит, что норвежцы научили финно-угорские племена и русских промыслу на этого зверя¹. По данным этимологических словарей и сведениям современных специалистов по саамской и финской этимологии, это слово заимствовано и в русский и в финский языки из саамского².

Русские авторы с норвежцами не соглашаются. Ссылаясь на историка М. И. Белова, Николай Александрович Гнилорыбов в своей книге об угольных шахтах на Шпицбергене пишет, что русские начали промышленлять на Свальбарде раньше всех других и указывает на источники, упоминающие о присутствии русских на Груманте уже в первой половине XVI века. Грумант — старое поморское название Свальбарда, которое считается искаженной формой шведского Grönland³. «Грумалан» или «грумаланин» означает промышленник, зимовавший на Свальбарде; есть и прилагательное «грумаланский».

Мы спешим, однако, оставить этот вопрос: для нашей цели достаточно знать о том, что русские были на Свальбарде, промышленляли там, зимовали.

¹ Fridtjof Nansen, *Nord i Tåkeheimen*, Oslo 1988, с. 416-420.

² М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*. Москва. Т 2, С. 655; Y. N. Toivonen et al. *Suomen kielen etimologinen sanakirja*. Helsinki 1976. Т. II, с. 352. Письмо от Пекка Саммаллахти, Университет в Оулу, 24 марта 1998 г.

³ М. Фасмер, указ. соч. Т. 1. С. 464.

Об этом свидетельствуют не только историки и археологи. Жизнь русских на Свальбарде отражена и в поморском фольклоре. С этим видом устного народного творчества можно познакомиться по произведениям одного человека. Устная традиция обрела в его обработке новое существование в литературе. Человек, о котором идет речь, — архангелогородец Борис Викторович Шергин.

Борис Шергин — помор и сын помора. Он родился сто лет тому назад, 16 (28) июля 1896 года (в некоторых источниках указан 1893 год) в городе Архангельске, в семье морехода и корабельного мастера. С детства он часто слушал, как пели и рассказывали сказки и были его родители, соседи и знакомые. Среди них были и моряки и промышленники, как, например, Пафнутий Осипович Анкудинов, о котором Шергин рассказывает, что его «поморы слушают — как мед пьют»⁴.

Борис с детства проявлял необыкновенный интерес к народному творчеству и хорошо знал его. В молодости занимался искусством, писал, участвовал в сборе диалектологического материала на Севере. Всю жизнь он записывал услышанное в народе, изучал и собирал рукописный материал и печатные издания. Но и сам он обладал даром сказителя, он был истинным носителем культуры и народного языка Русского Севера⁵.

Для этой маленькой презентации мы выбрали как центр внимания несколько произведений Шергина, относительно кратких, непосредственно связанных с жизнью промышленников именно на Груманте. Будем мимоходом касаться и других текстов, сюжетами которых являются приключения на промысле на Новой Земле и на Кольском полуострове.

Сопоставим содержание текстов также и с другими сведениями и рассказами, которые мы находим у норвежцев, пишущих о Свальбарде. Мы имеем в виду сочинения исследователя Арктики Хельге Ингстада, доцента по геологии Адольфа Хуля, книги Туре Воррена

⁴ Б. Шергин. *Изящные мастера*. Москва, 1990. С. 27.

⁵ См. о нем: Марит Бьеркенг. «А мне родина моя какой кажется прекрасной». Борис Викторович Шергин — сказитель Русского Севера. *Life and Text. Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of his 60th Birthday*. Oslo 1997 (= Meddelelser 79). С. 59-68.

и Ларса Сёренсена о шкиперах из Тромсё. В этих книгах есть интересные сведения о жизни наших предков на Свальбарде.

В конечном счете нам хотелось бы определить, какое место грумантские тексты занимают в творчестве Шергина и как его творчество в целом воспринимается сегодня представителями русского литературного мира.

Стихосложный Грумант

Шергин рассказывает, что он помнит, как молодые моряки собирали и записывали стихи и песни в рукописные альбомы, которые они брали с собой на промысел. В эти альбомы записывались и старые стихи, которые относятся скорее к устному творчеству, и современные стихотворения, например, Фета и Плещеева.

Был у известного капитана В. И. Воронина (1890-1952) такой альбом, в котором Шергин нашел вариант стихотворения «Стихосложный Грумант» и сравнил его с версией, которую он знал из сборника «Рифмы мореплавателей», принадлежащего его отцу. Уже потом он написал собственную версию.

Лирический герой стихотворения Шергина — русский помор, рассказывающий о том, как он попал на Грумант:

В молодых меня годах жизнь преогорчила:
Обрученная невеста перстень воротила.
Я на людях от печали не мог отманиться.
Я у пьяного у хмелю не мог звеселиться.
Старой кормщик Поникар мне судьбу обдумал,
На три года указал отойти на Грумант.

Пробыл этот «я» на Груманте целых двенадцать лет, что вполне вероятно. Мы знаем, например, что Емеля Старостин, умерший в 1826 г., зимовал на Свальбарде 39 раз.

Дальше идут короткие, простые, но легкие и выразительные строки, и мы узнаем о том, как можно приспособиться к жизни на далеком севере, где так страшно:

Не морозы там страшат,
Страшит темна ночка.

Но неприятное преодолевают, созерцая прекрасное:

Там о полдень и о полночь
Светит сила звездна.
[...]
Там сполохи пречудно
Пуще звезд играют,
Разноогненным пожаром
Небо зажигают.

Спасает человека в этой атмосфере, конечно, работа:

Из оленьих шкур одежду
Шью на мелку строчку.

И далее:

Из моржового тинка
Делаю игрушки:
Веретенца, гребешки,
Детски побрякушки.

Нужна работа, необходима и самодисциплина:

От товарищей один,
А не ведал скуки
Потому что не спущал
Праздно свои руки.

Всем понятно, что при таких условиях нужно регулярно заниматься делом, жить уравновешенно. Поморы привыкли к работе. Хочется привести слова Федора Абрамова о Севере: «Но Север — не сказка, не Беловодье, не та обетованная земля, о которой веками

мечтало крестьянство. Север — это тощие, худородные подзолы и супеси, с которых в зяблый год не соберешь даже семян. Север — это бесконечная зима с непролазными снегами и лютыми морозами. Север — это штормы и бури Студеного моря. И потому Север — это работа, работа и работа.»⁶

Свидетельствуют о необходимости работать и норвежские источники: В книге Ларса Сёренсена «Между старыми моряками ледовитого океана» сказано о быте промышленников, что «первым правилом была работа»⁷. В книге Воррена «Два мужчины во льду» шкипер Сиверт Тобиесен, по прибытию в становище, постоянно отправлял своих моряков собирать топливо, дрова с берега и уголь из горы. Тобиесен сознается, что им не было нужно так много топлива, но что было «очень важно для здоровья, чтобы они двигались».⁸

«Чернило и бумага»

Адольф Хуль пишет, что русские промышленники не содействовали науке о географии и природе Свальбарда, и объясняет этот факт следующим образом: «Кажется, они только как исключение были грамотные, и поэтому были не в состоянии записать то, что видели и переживали»⁹.

Вопрос спорный. Как напоминает в предисловии к сборнику «Поморская Сага» Федор Абрамов, «крестьяне Севера, превосходившие грамотой собратьев других губерний, сплошь и рядом были владельцами личных библиотек»¹⁰. Наш промышленник — во всяком случае представитель грамотных:

И еще в пустыне той
 Была мне отрада,
 Что с собой припасены
 Чернило и бумага.

⁶ Федор Абрамов. О Севере. *Поморская сага*. Москва, 1984. С. 5.

⁷ Lars Norman Sørensen. *Gamle ishavgaster imellom*. Oslo 1961. С. 23.

⁸ Tore O. Vorren. *To menn i isen. Fra ishavsskippernes historie*. Oslo 1993. С. 52.

⁹ Adolf Hoel. *Svalbard. Svalbards historie 1596-1965*, I-III, bind I. Oslo 1966. С. 57.

¹⁰ Абрамов, указ. соч. С. 6.

[...]
 Я в пустой избе один,
 А скуки не знаю,
 Я, хотя простолюдин,
 Книгу составляю.

Гнилорыбов своим изложением исторических показателей создает впечатление, что таких промышленников было много уже в XVI и XVII веках: «Наряду с предметами труда и быта археологи при раскопках обнаружили много находок, свидетельствующих о высоком культурном уровне и богатой духовной жизни русских «промышленных людей», живших на Шпицбергене. Это прежде всего деревянный алфавит, резьба по дереву, календарь, шахматы и шахматные доски»¹¹.

О его истолковании этих находок не нам судить. Но есть основания предполагать, что его характеристика русских промышленников без сомнения подходит во всяком случае к более поздним поколениям. Хельге Ингстад передает рассказ Бакстрома о его визите в 1780 году в русское становище на восточном берегу Смеренбургского залива, где их хорошо принимали и угощали в большой, убранной, чистой избе¹².

Хочется упомянуть в связи с этим и о другом рассказе Шергина, хотя и не связанном с жизнью на Груманте, но в котором важную роль играет грамотность. «Для увеселенья» — рассказ о братьях, погибших на островке у полуострова Канина после того, как их судно в штормовую погоду сорвалось с якоря и исчезло. «По обычаю, надобно было оставить извещение в письменной форме: кто они, погибшие, и откуда они, и по какой причине померли. Если не разыщет родня, то и, приведется, случайный мореходец даст знать на родину»¹³. Братья решили оставить эпитафию по себе с резным орнаментом на деревянной доске. Отец Шергина сам видел эту столешницу на островке:

¹¹ Николай Александрович Гнилорыбов. *Угольные шахты на Шпицбергене*. Москва, 1988. С. 15.

¹² Helge Ingstad. *Landet med de kalde kyster*. Oslo 1951. С. 79-80.

¹³ Б. Шергин. *Изящные мастера*. Москва, 1990. С. 55.

«Посредине доски письменна — эпитафия, — делано высокой резьбой. По сторонам резана рама — обнос, с такою иллюзией, что узор неустанно бежит. По углам аллегории — тонущий корабль; опрокинутый факел; якорь спасения; птица феникс, горящая и не сгорающая»¹⁴.

Рассказ действительно свидетельствует о довольно высоком культурном уровне поморов. О том, что поморы любили и ценили слово, Шергин сам рассказывает, например, в рассказе «Рождение корабля». Корабельный мастер Конон Иванович учит своих подмастерьев «языкам, английскому и немецкому, рисованию, математике и черчению, работе с морскими картами, с лоцией». Вечером после работы они сидят на берегу: «Перед Кононом на береговой свае книга, Шекспир или Свифт. Читает вслух и заставляет учеников переводить»¹⁵.

Хельге Ингстад пишет о случае, когда грамотность помогла узнать не о хороших поступках, а, наоборот, о преступлении. Капитан судна вместе с двумя товарищами был оставлен на берегу собственными моряками. Все трое погибли с голоду, но у них было ружье, и они врезали сведения о происшедшем в приклад ружья. Это случилось в 1850-ые годы¹⁶.

В других текстах, как, например, в «Грумаланском песеннике», можно прочитать о том, какое место в жизни промышленников занимали «пенье и сказанье»: «В старые века живал-зимовал на Груман-те посказатель, песенник Кузьма. Он сказывал, и пел, и голос с него, как река, бежал, как поток гремел. Слушая Кузьму, зимовщики ве-селились сердцем»¹⁷.

Наш грумаланин из «Стихосложного Груманта» ободряет и себя и других своей книгой:

Не кажу я в книге сей
Печального виду

¹⁴ Там же. С. 55-56.

¹⁵ Там же. С. 38-39.

¹⁶ Ingstad. С. 85.

¹⁷ Шергин. С. 288.

Я не списываю тут
 Людскую обиду¹⁸.

«Лучше с людьми»

Вообще в рассказе «грумаланина» о себе есть поучение другим об истинных ценностях. В маленьком рассказе «Общая казна», тоже из грумаланского цикла, мораль заключается в необходимости принести сколько можешь на общую пользу, не быть эгоистом. Один дружинник, то есть промышленник, состоящий в артели, вдруг придумал, что может из дохода класть в общую казну не всё, как он всегда это делал, но откладывать часть на черный день, и платить столько, сколько платили те, кто промышленял мало. Но когда он заболел, и увидел, что никто о нем не заботится, как это прежде всегда бывало, он передумал: «поживи для людей, поживут и люди для тебя. Сам себе на радость никто не живет»¹⁹.

Бичом для промышленников была страшная болезнь, цинга. Из всех источников очевидно, что люди знали, что легче было избежать ее, если питаться свежим мясом и свежей кровью. Играли большую роль и физическая работа и, разумеется, психические факторы. Надо было заниматься делами и не поддаваться скуке и тоске. Дружинник в маленьком рассказике «Болезнь», заметив у себя первые признаки болезни, в первую очередь подумал о товарищах, о том, что их мало, и что его работа «грузом упадет на товарищей». Он встал и заставил себя работать. Мораль здесь выражена в словах: «Доброй мыслью побеждал печаль и победил цингу: болезнь оставила его»²⁰.

Нужны человеку и забота о других и хорошее отношение к товарищам.

Что касается цинги, то Ингстад передает сведения путешественника Вильяма Скорсби, который промышленял в 18 веке кита и написал много научных работ о том, что русские на Свальбарде знали, как противодействовать болезни с помощью растений, растущих на Свальбарде, а также ягод и настоек, которые привозились из

¹⁸ Там же. С. 287.

¹⁹ Там же. С. 290.

²⁰ Там же.

России. Он замечает: «Когда мы все-таки слышим о различных трагедиях, причиненных цингой русским на Свальбарде, особенно в последнее время их пребывания там, объяснение должно быть таким, что со временем стали посылать более неопытных и может быть в какой-то степени сомнительных людей, которые были недостаточно аккуратными»²¹.

В маленьких рассказах Шергина о промышленниках, как и в его творчестве в целом, мы находим примеры поведения простых людей, которые безусловно достойны подражания. Кроме необходимости работать и соблюдать дисциплину, в суровых условиях необходимо было заботиться о других и не унывать самому, находя поддержку и в богатстве устного творчества. Герои Шергина верят в ценности, которых, конечно, нужно держаться в жизни на Груманте, и не только там. Такие ценности, как трудолюбие, солидарность, бескорыстие составляли основу поморского общества, поморского самосознания.

Это желание сосредоточиться на хорошем можно сравнить с явлением, о котором рассказывают норвежцы: норвежские мореплаватели считали очень важным соблюдать праздники, читали Библию, пели гимны по воскресеньям и перед отъездом на промысел²².

Грумантский медведь

В некоторых источниках подчеркивается, что русские меньше других боялись опасной и тяжелой жизни на Свальварде. Объясняется это тем, что они привыкли к суровому климату и быстро приспосабливались к условиям зимовки²³.

Ингстад тоже подчеркивает, что первые русские промышленники, очевидно, справлялись хорошо²⁴. Была у поморов такая поговорка «Море — горе, а без него вдвойне». Промысел рыбы и морского зверя был у поморов необходимой хозяйственной отраслью.

Русские умели украшать суровую жизнь на морозе и в темноте занимательными преданиями и сказками о сверхъестественных си-

²¹ Ingstad. С. 82.

²² Vorren. С. 37 и 69.

²³ Hoel. С. 56.

²⁴ Ingstad. С. 83.

лах, в которых явления природы принимали облик живых существ. Особенно важным было предание о духе Груманта, которого называли «Грумантский пес»²⁵. У Шергина находим не пса, а медведя. В рассказе «Грумантский медведь» сюжет таков: два промышленника хотят переехать из становища в маленькую избу, где они смогли бы свободно распоряжаться своим временем по собственному усмотрению. Старосте не нравится мысль о разделении артели, но он позволяет им уйти. «Дал устав: столько-то всякий день делать деревянное дело, столько-то шить шитья. Не больше столько-от часов спать. В становище повелено было приходить раз в неделю, по воскресеньям». Первое время они делают все, как положено, а потом расслабляются и становятся жертвами искушения спать больше, работать меньше. Но тогда они видят вдруг большого белого медведя, как будто пришедшего к ним в избушку. Они сильно пугаются и спешат обратно к товарищам. «Староста говорит:

— Это Грумант вас на ум наводит. Сам Грумант-батюшка в образе медведя вас пугнул. Он не любит, чтобы люди порознь жили. Вы устав нарушили. Грумант вас за это постращал»²⁶.

Рассказ является еще одним примером того, что сказки и были, которые рассказывались сказителями среди поморов, служили не только развлечением для взрослых и детей, но также сообщали важные правила поведения, описывали общественную мораль поморов, то есть то, что у Шергина называется «отцово знанье». Важным признаком произведений Шергина является ясное представление о том, что хорошо, и что плохо. Интересно, что в другом рассказе, «Грумаланские отцы», темой является право русских как первых пришельцев на Грумант не принимать право других национальностей находиться там же. И здесь свою волю диктуют те же сверхъестественные силы²⁷.

Русский Север в современной России.

В постперестроечное время, когда российское общество в значительной степени ищет новые пути и обсуждает, какие ценности

²⁵ Там же. С. 87.

²⁶ Шергин. С. 289.

²⁷ Там же. С. 290-291.

действительны в современном мире, люди во многих сферах общественной жизни обращаются к дореволюционным явлениям. Можно сказать, что возник новый интерес и к народной культуре, народному творчеству. Как своеобразного представителя слияния народного творчества и художественной литературы изучают сейчас и Шергина.

Как творчество Шергина воспринимается сегодняшним обществом? Кто его изучает и зачем? Несмотря на то, что обширным анализом этого вопроса мы не занимались, нашли интересные примеры.

Драматург и фольклорист Оксана Соколова, которая долго занималась творчеством Шергина и написала сценарий фильма по одному из его рассказов, в интересной статье в журнале «Современная драматургия» оценивает значение Шергина, применяя образ «пращур». Слово «пращур» — это то же, что в славянской мифологии «род», «дед», родоначальник и хранитель рода. Соколова так пишет о предках: «Своего Пращура они почитали, уважали... И уважали за Разум, то есть Пращура считали много разумнее себя»²⁸. У каждого народа существовал свой Порядок, к которому «можно было бы отнести нравственные законы, традиции, правила взаимоотношения рода с окружающей природой, с богом, с соседними народами и т.д.»²⁹. Сегодня, продолжает Соколова, «Порядок рода почти разрушен»³⁰. Что бы сделал Пращур, если бы сегодня явился ко своим родичам? «Взял бы палку... Потолще... Да по-родственному... Чтоб враз всю дурь! — ответили мне как-то знакомые родичи. — За Чернобыль, за Храм Христа Спасителя, за саму мысль о повороте северных рек»³¹. Потом попытался бы восстановить связь между нами и Разумом рода. Этот разум содержится «и в правильниках, и в уставах, и в былинах, и в сказках, и в древних памятниках... И потому Пращур прежде всего стал бы с нами разговаривать именно на таком языке.

²⁸ Оксана Соколова. Пращур. *Современная Драматургия*, 4, 1989. С. 180.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 181.

Но ведь это язык Шергина!»³² Вопреки тяжелому времени, в котором он жил, он все-таки верил в Разум рода. «И теперь, когда в нашем народе начался процесс избавления от безумия, мы должны низко поклониться Борису Викторовичу за его труд, за его веру»³³. Надо подчеркнуть, конечно, что голос Соколовой — всего лишь один голос, но выражает он веру в то, что ценности мира Шергина все еще могут быть действительными и в современном обществе.

Шергин не пользовался снисходительностью властей. В конце 40-х годов его вместе с другими писателями критиковали в газете «Культура и жизнь» за «псевдонародность» и за то, что от его произведений «пахнет церковным ладаном и елеем»³⁴. В предисловии к сборнику «Изящные мастера» писатель и критик Юрий Галкин указывает на то, что произведения Шергина неохотно печатали при его жизни, но что сейчас они издаются, и продолжает: «Но гораздо важнее, может быть, что мы все глубже осознаем значение оставленного нам духовного наследия, этого Отеческого знания, потребность в котором, нелишняя всегда, сегодня оказывается спасительной необходимостью для человека — только так он может вернуть себе и своей жизни утраченное достоинство.»³⁵

При таком явном восприятии творчества Шергина как духовного наследия интересно взглянуть на то, как и в каком контексте литературный мир говорит о нем детям, новому поколению на севере.

Два года назад в Архангельске вышел сборник для школьников «Литературный Север». Целью этой книги, по замыслу составителей, было способствовать развитию положительного самосознания современного северянина методом изучения северной литературы. Перед предисловием, в качестве своего рода эпиграфа, приведены трогательные слова академика Д. С. Лихачева о Севере, о людях Севера: он «побывал у поморов, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством», «я готов

³² Там же. С. 182.

³³ Там же.

³⁴ Александр Михайлов. Смиранный архангелогородец. *Слово* 7-8, 1993. С. 71.

³⁵ Шергин. С. 16.

по-клясться, что лучшего края не видел. Я зачарован им до конца моих дней»³⁶.

Далее в предисловии составитель, доцент Л. С. Скепнер, указывает на то, чем северянину можно гордиться. Север замечателен природой, славен людьми, а «Писатель, поэт — это человек, одаренный особым зрением». Заканчивается предисловие следующими словами: «Мы надеемся, что произведения, вошедшие в эту книгу, помогут тебе, дорогой читатель, сделать свои открытия: в литературе — открыть новые писательские имена, произведения, а может быть, и в жизни — по-новому увидеть и услышать что-то в нашей родной природе, в северной речи, в окружающих тебя людях.»³⁷ Для нас в Северной Норвегии и цель и метод этого учебника знакомы. Последние тридцать лет учили нас пользоваться своим в литературе, в культуре. Мы собирали, издавали, изучали и ценили северную литературу как инструмент пробуждения самосознания северных людей.

В вышеупомянутый сборник входят, конечно, и произведения Шергина. В коротком очерке Скепнер о Шергине подчеркивается близость его произведений к устному народному творчеству — в языке, в характерах. «А главное, близость Шергина к фольклору — в мировосприятии, светлом, цельном, в глубокой вере в победу добра над злом»³⁸. В сборник, правда, входят не рассказы о Груманте, но тексты, передающие так называемое «отцово знание», мораль прошлой поморской культуры. Нам представляется, однако, что «грумантские» рассказы Шергина являются неотъемлемой частью его творчества, безусловно достойной изучения и в силу множества причин особенно интересной для норвежцев³⁹.

³⁶ Людмила Сергеевна Скепнер [сост.]. *Литературный север*. Архангельск, 1995. С. 3.

³⁷ Там же. С. 6.

³⁸ Там же. С. 106.

³⁹ О нем можно читать по-норвежски в Marit Bjerkgeng. Boris V. Sjergin — en folkeskildrer fra pomorlandet. *Hammarn*. № 5, 1997. С. 28-29.

Summary:**The Grumant Bear: Texts by Boris V. Šergin on the life of the Pomor hunters on Svalbard**

This article is a presentation of a few texts written by the author Boris Viktorovič Šergin (1896-1973), who was born in Arkhangelsk and wrote, among other things, a number of stories based on the oral tradition he knew from his childhood. This article focuses on the stories about the Pomor hunters on Svalbard. The article describes Šergin's portrayal of his ancestors in terms of morals, values and rules of behavior, and the way his stories implicitly stress the importance of certain values for people living in harsh conditions.

Furthermore, the themes of Šergin's texts are compared with various Norwegian sources describing life on Svalbard, including the Russian presence in the archipelago.

The article also touches upon some recent views of the significance of Šergin's works for post-perestroika Russia and, in particular, for the construction of a Northern Russian identity.

Address of the author: Marit Bjerkgeng, Finnmark College, Follums vei 31, N-9500 Alta, Norway.

E-mail: maritb@hifm.no